

ВВЕДЕНИЕ

Согласно одному из положений науковедения, каждая научная дисциплина с момента своего возникновения вынуждена решать, казалось бы, тривиальную проблему о существовании объектов, знанием о которых она является. В так называемых социальных, или гуманитарных, науках во многих случаях встает вопрос о существовании самого предмета исследования. Свидетельством тому служат постоянные дискуссии на тему границ социологии, археологии, культурологии, востоковедения. В этом плане этнография выглядит, пожалуй, наиболее проблематичной отраслью знания. Сомнению подвергается буквально все: предмет, объект, название, история и уровень развития. Перечислим лишь наиболее часто задаваемые вопросы. Этнография или этнология? Этнография или антропология? Историческая или географическая наука? Историческая или социологическая наука? Теоретическая или эмпирическая наука? Наука, находящаяся в стадии исчезновения или возникновения?

Максимальный разброс мнений связан с определением предмета исследования, т. е. с вопросом, о чем эта наука. В разных странах, в разные эпохи и под разными именами она выступает то как «наука о человеке», то как «наука о культуре», то как «наука об обществе», то как «наука об этносах» или «наука об этногенезе», то как наука, вообще не имеющая единого предмета исследования. Причем перечисленные определения могут различным образом сочетаться между собой. В самые последние десятилетия стали появляться трактовки

предмета этнографии, извлекаемые как бы из контекста конкретных работ: «наука о ритуале» (А. К. Байбурин), «наука о родстве» (Г. В. Дзигель).

Откровенно маргинальным характером отличается позиция А. И. Элеза, автора книги «Критика этнологии» (2001). Пользуясь противопоставлением этнографии и этнологии по линии «эмпирическое — теоретическое знание», с одной стороны, и противопоставлением «социальной» и «географической» («биологической») концепций этноса — с другой, он доводит существующее понятие «науки об этносах» практически до абсурда. Термином «этнология» он предлагает обозначать «науку об этносе», а термином «этнография» — «науку об этносах». При этом этнология рассматривается как отрасль социологии (этнос — «сущностно социальное образование»), а этнография — как «вспомогательная историческая дисциплина» [Элез 2001 : 5]. Безусловно, следует помнить о необходимости различать понятие *этноса* (ед. ч.) как теоретический объект исследования и представление об *этносах* (мн. ч.) как предмете эмпирического исследования [Белков 1993 : 59—60]. Однако, по логике А. И. Элеза, предмет и объект исследования любой науки должны быть разделены между двумя различными дисциплинами (нарушение принципа единства деления). В данном случае предмет и объект этнографии оказываются в ведении вообще разнородных отраслей знания, истории и социологии. Социология даже не входит в состав так называемых «смежных наук», соответствующих понятию культурной антропологии в американской научной традиции. Для сравнения можно указать, что западная антропология, придерживаясь схемы «этнография — этнология — антропология», кладет в ее основу все-таки единый признак деления, а именно: степень сложности и методы решения научных задач.

Еще в 1904 г. Л. Я. Штернберг в статье «Этнография» писал, что хаос названий данной дисциплины вызывает хаос в самом понимании предмета [Штернберг 1904 : 181]. На фактах такого рода основывается мнение о непарадигмальном развитии так называемых социальных наук или их «недоразвитости». Отсюда вытекает задача настоящего исследования — доказать, что в современной литературе за внешней беспорядочностью высказываний о предмете этнографии скрывается некая вполне ощутимая закономерность, которой подчиняются все эти высказывания, даже взаимоисключающие. Внешним

признаком наличия единых границ предметной области этнографии, культурной и социальной антропологии является признание, что на практике они занимаются изучением «примитивных обществ» и «малых групп» в современных обществах. С теоретической точки зрения кажется интересным, почему представление о предмете этнографии объединяет в себе столь разные по материи идеи. Мало заметить некую повторяемость, важно ее теоретически обосновать.

Занимаясь по ходу изложения различными проблемами, мы неизбежно будем очень часто соприкасаться с историей науки. Но это не значит, что нашей целью является история этнографии. В конечном счете нас интересует не хронология событий, а метод этнографии как самодвижение ее предмета. Подлинная история науки — это не история текстов, это история идей, развитие которых идет не по прямой линии (кумулятивно), а по спирали. В данном случае можно говорить об истории сложения предметной области этнографии.

Последнее замечание касается общих ориентиров в научной литературе. Учитывая сложившуюся практику деления научного мира на две ритуальные «половины», мы будем опираться на традиции российской (шире — российско-немецкой) школы, поскольку в ней хорошо отражена точка зрения англосаксонской ветви этнографии (британской и американской школ), но не наоборот. В основном имеются в виду работы последних трех—четырёх десятилетий тех авторов, которые, на наш взгляд, могли оказать наиболее сильное воздействие на формирование современных границ предметной области этнографии.